РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 36. 4-го Сентября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“: МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

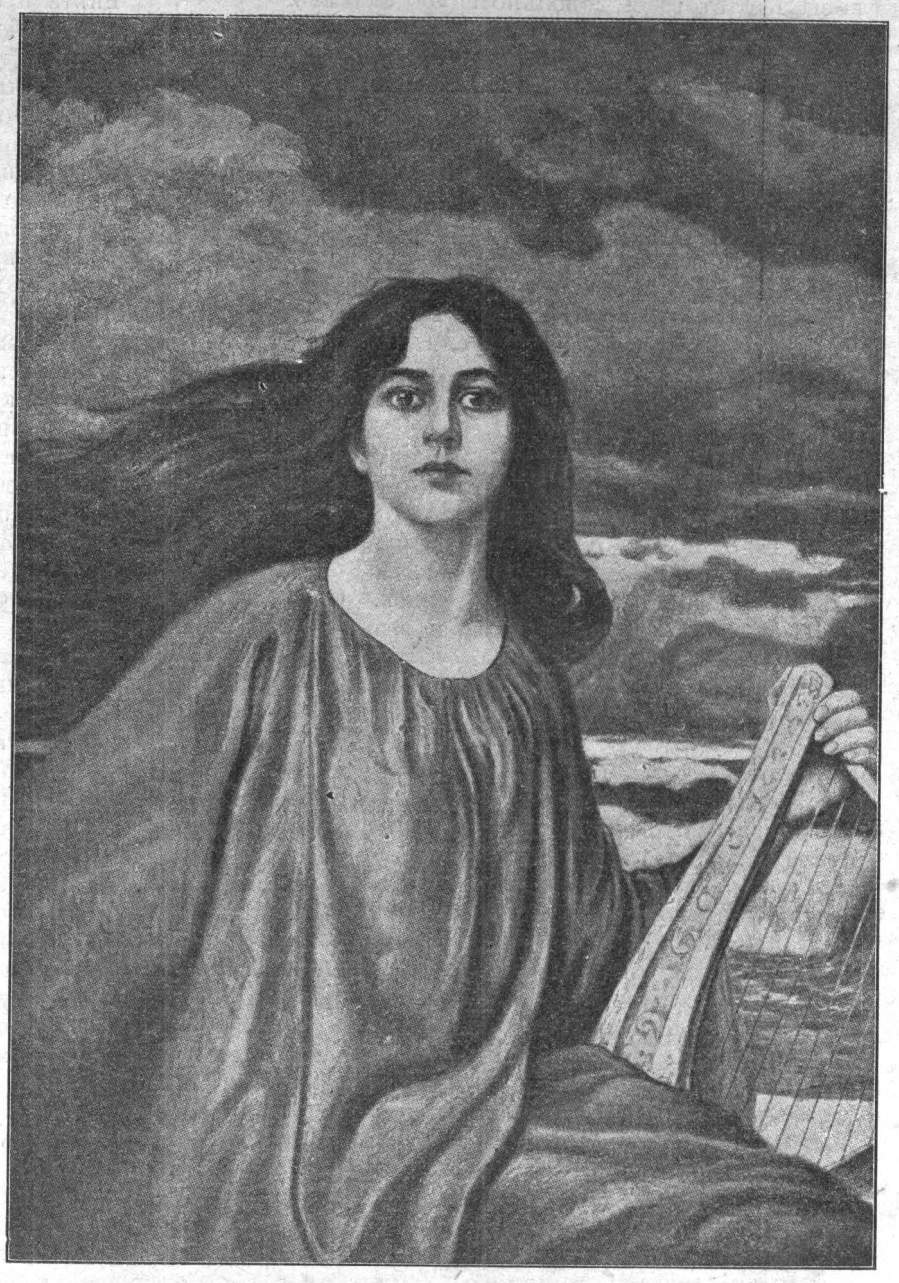
Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р., 1-го марта—**1** р., 1-го іюня—**1** р., 1-го августа—**1** р. и 1-го сентября—**1** р.

МУЗѢ.

Со мною снова ты... Незримыми крылами
Разсѣяла ты мракъ сомнѣній и тревогъ
И бѣдный уголокъ — лачужку подъ соснами,
Успѣла превратить въ сіяющій чертогъ...
Со мною снова ты! Я чую сладкій трепетъ,
Я вижу предъ собой цвѣтникъ изъ алыхъ розъ
И льется въ душу мнѣ твой вдохновенный лепетъ,
И вьются вкругъ меня рои счастливыхъ грезъ.
Но только не шепчи о радости веселой,
О счастьѣ, о любви, о будущей веснѣ,—
Ты слышишь, сорвался изъ груди стонъ тяжелый,
И вся душа горитъ въ пылающемъ огнѣ.
Со мною ты—но вотъ страдающіе братья,
Вокругъ ихъ—никого, они совсѣмъ одни...
О, не шепчи ты мнѣ про злобныя проклятья
И руку имъ скорѣй, скорѣе протяни!
Ты слышишь-ли, звучитъ безбрежнаго страданья
На помощь къ нимъ скорѣй томительный призывъ,
Веди меня туда, гдѣ братскаго рыданья
Бушуетъ, словно рѣкъ, стремительный разливъ.
Ему уже весь міръ сталъ необъятный тѣсенъ
И счастье скрылось въ немъ какъ-будто навсегда...
Не нужно алыхъ розъ, не нужно кроткихъ пѣсенъ,—
Къ страдающимъ я рвусь — веди меня туда!
Веди меня туда, гдѣ царствуетъ лишь горе,
Гдѣ преклонился братъ предъ злобой-палачемъ,
И пусть скорѣе пѣснь на равнодушья море
Падетъ, какъ Божій гнѣвъ, карающимъ мечемъ!
Быть можетъ, пробудивъ въ сердцахъ любовь простую,
Она сразитъ всѣхъ бѣдъ тяжелую напасть,
Надежду воскреситъ она въ сердцахъ святую
И братьямъ, поддержавъ, не дастъ она упасть;
Быть можетъ, имъ на мигъ отраднаго забвенья
Даруетъ наша пѣснь трепещущій туманъ,
Спѣшимъ скорѣй туда — порывомъ вдохновенья
Утишимъ злую боль безчисленныхъ ихъ ранъ.
Мы возвѣстимъ имъ всѣмъ, что минули невзгоды,
Что новая заря-красавица зажглась,
Что блещетъ яркій лучъ во мракѣ непогоды,
Что пробилъ и для нихъ освобожденья часъ!..

Ал. Эльскій.



МУЗА. Съ картины Г. Унгера.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Окончаніе.)

КНЯЗЮ сдѣлалось непріятно. Онъ видѣлъ, что Кончетта сказала неправду, сообщая ему о своемъ желаніи отдохнуть. Но онъ побоялся возбудить ее и отправился на поиски денегъ. Но князь тщетно ѣздилъ по городу; найти нужныя для него деньги ему не удалось, такъ какъ аккуратные бельгійцы недовѣрчиво относились къ его словамъ: русскій князь, богатый человѣкъ и вдругъ нуждается въ нѣсколькихъ тысячахъ франковъ, которыя онъ всегда можетъ немедленно получить изъ Россіи! Таково было общее мнѣніе, а слѣдствіемъ его былъ отказъ въ ссудѣ, хотя, конечно, отказъ въ большинствѣ случаевъ сопровождался простымъ извиненіемъ въ отсутствіи наличныхъ денегъ. Обезкураженный неудачею, Арсеній вернулся въ свою гостиницу.

Внизу швейцаръ передалъ ему еще нѣсколько новыхъ счетовъ и довольно грубо сказалъ:

— Васъ дожидали здѣсь двое... они тоже приходили за деньгами.

Швейцаръ уже не оказывалъ князю того почтенія, какимъ онъ отличался раньше, такъ какъ, по его убѣжденію, человѣкъ, не имѣющій возможности уплачивать немедленно свои долги, уже не солидный кліентъ для гостиницы и отъ такихъ постояльцевъ полезно скорѣе избавиться.

Арсеній машинально взялъ счета и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Дверь въ комнату Кончетты оказалась запертою. Онъ постучалъ.

— Кто тамъ?—послышался голосъ пѣвицы и, видимо, узнавъ князя, она поспѣшно проговорила:— ко мнѣ нельзя, не заходи, я переодѣваюсь... потомъ я зайду къ тебѣ.

Гостомыжскій послушно исполнилъ ея желаніе, но ему показалось, что съ Кончеттою былъ еще кто-то другой.

Новаго письма изъ Россіи, а равно и телеграммы онъ не нашелъ на своемъ столѣ.

Арсеній еще больше потерялся. Слабохарактерность его сказалась во всемъ и онъ не зналъ, какъ ему поступить, тѣмъ болѣе, что и привычная съ дѣтства неловкость при сознаніи невозможности сейчасъ же уплатить долги мучила его особенно сильно.

LI.

Кончетта не зашла къ Арсенію. Когда-же онъ снова постучался къ ней въ комнату, его встрѣтило молчаніе: итальянки не было дома.

Гостомыжскій провелъ этотъ вечеръ такимъ-же безпомощнымъ существомъ, какъ и наканунѣ, совершенно не зная, что ему предпринять, не зная на что ему рѣшиться; иногда въ головѣ его мелькала мысль, что Кончетта придетъ къ нему на помощь, выручитъ его изъ бѣды; онъ надѣялся и томился неизвѣстностью. Нѣсколько разъ, услышавъ шаги, онъ выбѣгалъ въ корридоръ, предполагая, что пѣвица вернулась, но его ожиданія не оправдывались: каждый разъ это была не она.

Новая безсонная ночь, полная мученій предстояла князю.

— Гдѣ можетъ быть она такъ долго?—шепталъ онъ самъ себѣ, все еще надѣясь, что отсутствіе Кончетты объясняется именно ея хлопотами о деньгахъ для него, и снова начиналъ ходить по своей комнатѣ.

Наконецъ, явилась усталость, которая сослужила для Арсенія хорошую службу. Несмотря на всѣ волненія и непріятности, онъ, противъ ожиданія, быстро заснулъ.

На другой день утромъ его разбудилъ стукъ въ дверь.

Въ комнату вошелъ лакей, передавшій письмо и нѣсколько визитныхъ карточекъ.

Князь мелькомъ взглянулъ на нихъ, но всѣ онѣ были ему незнакомы.

— Кто эти господа? — спросилъ онъ лакея.

Послѣдній какъ-то неловко согнулся и отвѣтилъ:

— Это все — поставщики, которые доставляли для мадемуазель Кончетты различныя вещи...

Арсеній понялъ.

— Скажите имъ, что я прошу ихъ завтра зайти ко мнѣ.

Лакей поклонился и вышелъ. Гостомыжскій быстро одѣлся.

Только теперь взглянулъ князь на письмо и вздрогнулъ: оно было отъ Кончетты. Порывисто разорвалъ онъ надушенный конвертъ сиреневаго цвѣта и быстро пробѣжалъ глазами письмо.

„Мой добрый Арси,—писала ему итальянка,— судьба насъ снова разъединяетъ съ тобою. Не правда-ли, странно? Я нашла свое настоящее призваніе—оперную сцену. Это—моя жизнь!.. Искусство для меня все. Кто-то мнѣ недавно сказалъ, что искусство ревниво, что оно не любитъ дѣлиться любовью своихъ жрецовъ. Я люблю тебя, но все-таки должна покинуть, такъ какъ моя любовь къ искусству, къ сценѣ сильнѣе — прости! — чѣмъ къ тебѣ. Я вѣрю, что тебѣ будетъ нелегко со мною разстаться, но забудь меня... Чтобы не дѣлать драмы изъ нашего прощанья, я уѣзжаю вечеромъ, не простившись съ тобою. Прости!.. Кончетта“.

Если письмо итальянки, полученное княземъ при первомъ ихъ разрывѣ, произвело страшное дѣйствіе на него, это послѣднее погрузило его въ какой-то столбнякъ. Полное отчаяніе овладѣло Арсеніемъ; предъ нимъ воздвигнулась какая-то глухая стѣна, онъ не видѣлъ ни дороги, ни тропочки, путь обрывался.

Долго просидѣлъ онъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Но, наконецъ, впечатлительная натура сказалась и князь громко зарыдалъ, по-дѣтски всхлипывая.

Слезы немного облегчили его. Онъ сталъ думать о своемъ положеніи.

— Женщина, которую я такъ беззавѣтно люблю, ради которой я оставилъ жену, семью, домъ, все, все... насмѣялась надо мною, бросила, какъ ненужную ветошь!—шепталъ Гостомыжскій.—Бабушка отвернулась отъ меня, Дуню я тоже жестоко оскорбилъ. Возврата къ прошлому нѣтъ, затѣмъ позоръ, несчастные долги, я не могу ихъ уплатить. Мнѣ остается одинъ выходъ—смерть.—Князь невольно самъ вздрогнулъ, но, какъ-бы подбадривая себя, произнесъ:—да, смерть! Скорѣе покончить съ собою, пока моя безхарактерность не встала еще навстрѣчу!

Онъ поднялся съ кресла, но снова сѣлъ.

— Нужно написать хотя нѣсколько словъ предъ концомъ Дунѣ, бабушкѣ, просить простить меня, жалкаго человѣка.

И князь началъ нервно писать.

Уложивъ записку въ конвертъ, онъ помѣстилъ ее на столѣ, рядомъ помѣстилъ всѣ оставшіяся у него деньги, задумался минуту-другую, затѣмъ надѣлъ

пальто, шляпу, быстро спустился внизъ и, не обращая вниманія на смотрѣвшаго на него съ изумленіемъ швейцара, пошелъ по улицѣ, ведущей въ Лакенъ.

LII.

Время близилось къ полудню; различные мастеровые, шедшіе обѣдать, толкали спѣшившаго князя, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Въ его разстроенной головѣ была только одна мысль: поскорѣе покончить съ собою.

Для исполненія своего намѣренія онъ хотѣлъ добраться до пересѣкающей улицу линіи желѣзной дороги и, воспользовавшись частыми поѣздами, лечь подъ одинъ изъ послѣднихъ. Но привести свой планъ въ исполненіе ему не удалось: барьерный сторожъ внимательно слѣдилъ за своевременнымъ закрытіемъ перехода, такъ что Арсеній не могъ попасть на рельсовый путь.

Еще болѣе возбужденный неудачею, онъ, перейдя рельсы, направился къ каналу, соединяющему Антверпенъ съ бельгійской столицею. Морскіе пароходы идутъ по нему прямо въ Брюссель и глубина его значительна. Это обстоятельство было извѣстно Гостомыжскому.

Два моста, соединяющіе между собою берега, очень часто разводятся для прохода судовъ. Время разводки ихъ самое удобное для нечаяннаго паденія въ воду, въ общей суматохѣ никто не замѣтитъ. Но въ ту минуту, когда князь дошелъ до канала, оба моста стояли еще на мѣстѣ и нужно было дожидаться.

Оставаться на людяхъ Арсеній не былъ въ силахъ. Онъ вошелъ въ небольшой estaminet *), носившій громкое названіе „Aux clefes de la ville“ **), и спросилъ себѣ кружку пива.

Кабачекъ былъ почти пустъ. На новаго посѣтителя никто не обратилъ вниманія.

Гостомыжскій помѣстился у открытыхъ дверей и внимательно наблюдалъ за мостами.

При первомъ лязгѣ цѣпей и скрипѣ кругового колеса онъ быстро бросилъ франкъ на прилавокъ и, не дотронувшись до пива, выбѣжалъ вонъ.

Вдали показалась флотилія мелкихъ грузовыхъ баржей, ведомая пароходомъ; сторожа на мосту приготовились къ разводкѣ и налегли на поворотные ключи. Прошло нѣсколько томительныхъ секундъ, мостъ, тяжело поскрипывая, отдѣлился отъ берега, дѣлая кругъ.

Этимъ моментомъ воспользовался князь. Онъ взбѣжалъ на мостъ и, будто нечаянно оступившись, упалъ въ воду.

Онъ вполнѣ отдался своей участи и быстро скрылся съ поверхности. Темная, зеленоватая вода стала набираться ему въ уши и въ ротъ. Какое-то невольное чувство самохраненія заставило его сдѣлать нѣсколько порывистыхъ движеній руками и ногами, но пучина тянула князя, спасенья не было.

Гостомыжскій задыхался, ему не хватало воздуха, но вскорѣ непріятное за минуту удушье стало смѣняться чувствомъ покоя, отдыха. Тяжелыя, зеленоватыя массы воды дѣлались все легче и легче, и князь тихо упалъ на мягкій илъ дна канала.

Сознаніе окончательно покинуло его, желанная смерть захватывала его въ свои объятія...

— Наконецъ-то, онъ сталъ приходить въ себя!—точно сквозь какую-то губку, услышалъ Арсеній разговоръ.

— Слава Богу!—произнесъ кто-то по-русски.

„Меня спасли!“—была первая мысль приходившаго въ чувство князя, и какое-то непріятное ощущеніе отъ сознанія того, что ему снова приходится переживать всѣ непріятности, ради избавленія отъ которыхъ онъ рѣшился пожертвовать своею жизнью, охватило его.

Онъ еще медлилъ открыть глаза, хотя сознаніе вполнѣ къ нему возвратилось.

— Арсюша, дорогой мой!—снова услышалъ онъ русскую фразу и съ изумленіемъ открылъ глаза.

Наклонившись надъ нимъ, стояла его жена, его Дуня!

Отъ волненія князь не могъ произнести ни слова, онъ сознавалъ себя жалкимъ, гадкимъ предъ ней.

— Дуня!—еле слышно прошепталъ онъ.

— Живъ, живъ!—обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ вскрикнула молодая женщина, обнимая мужа.

— Прости, голубка, прости жалкаго человѣка!—прошепталъ снова Арсеній, и слезы струились изъ его глазъ.

— Все простила, все забыто, мой милый, дорогой!—отвѣтила княгиня.

Появленіе ея въ Брюсселѣ объяснялось очень просто.

На другой день послѣ посылки бабушкою письма Гостомыжскому, которымъ она желала его попугать, въ Бельгію отправилась Дуня, давно стремившаяся къ мужу. Бабушка не только не препятствовала ея поѣздкѣ, но даже сама совѣтывала ѣхать.

Явившись въ гостиницу черезъ часъ послѣ ухода Арсенія, Дуня чуткимъ сердцемъ женщины сразу поняла только что разыгравшуюся драму и кинулась по слѣдамъ мужа.

Любовь дѣлаетъ чудеса, точно такъ-же и здѣсь безотчетный инстинктъ привелъ Дуню къ каналу и здѣсь она застала окончаніе самой драмы.

Бросившагося въ воду Гостомыжскаго замѣтилъ одинъ изъ матросовъ подходившаго парохода. Онъ тотчасъ-же нырнулъ на дно и вытащилъ безчувственнаго князя изъ воды.

Санитарная помощь организована въ Бельгіи прекрасно; черезъ нѣсколько времени Арсеній былъ перенесенъ въ госпиталь, гдѣ его стали приводить въ чувство. Направленная туда полицейскимъ, молодая княгиня застала своего мужа уже дышавшимъ.

Черезъ день, еще слабый отъ пережитыхъ волненій, Гостомыжскій возвращался вмѣстѣ съ женою въ Россію.

Онъ окончательно вылечился отъ своей преступной страсти къ красавицѣ Кончеттѣ и, виновато глядя въ глаза женѣ, клялся въ душѣ посвятить ей всю свою жизнь

Его немного пугала встрѣча съ бабушкой, но Дуня ему не разъ шутливо замѣчала:

— Не бойся, вдвоемъ мы съ нею справимся!

КОНЕЦЪ.

*) Т. е., кабачекъ.
**) «Ключи города».

Могила съ невѣдомыми цвѣтами.

Разсказъ **П. Н. Герасимова.**

I.

СЛАВА Богу! Опять можно съ ружьемъ ходить! — проснувшись раньше обычнаго времени, радовался Маркъ Николаевичъ Норовъ, или, какъ его называли окрестные мужики, «баринъ съ Крутого Яра».

Хотя Норовъ любилъ охоту, кажется, больше всѣхъ другихъ забавъ и едва-ли кто помѣшалъ-бы помѣщику стрѣлять, сколько угодно, въ своемъ лѣсу, но Маркъ Николаевичъ разумно говорилъ: «если я начну въ запретное время птицу бить, такъ что-же съ мужиковъ и другихъ требовать, чтобы они правилъ не нарушали?» А мужики называли Норова «справедливымъ бариномъ»: онъ-де весь въ правдѣ и, кажись, захоти самъ что не по-настоящему сдѣлать,—все одно на истинное сведется!..

«Вдосталь настрѣляюсь сегодня!» — думалъ Маркъ Николаевичъ, любуясь яснымъ раннимъ утромъ, и заторопился одѣваться.

Но его лицо сразу нахмурилось, когда онъ вспомнилъ, что сегодня, на первой, послѣ долгаго перерыва, охотѣ не будетъ съ нимъ вѣрнаго товарища и слуги. Красавецъ-сетеръ «Вьюнъ», испытанный и постоянный спутникъ Норова, не только на охотѣ, а и въ простыхъ прогулкахъ, еще три дня назадъ сильно напоролъ себѣ ногу и брать сегодня «Вьюна» на охоту было и жестоко, и безполезно.

«А все-таки пойду!—рѣшилъ Маркъ Николаевичъ,—одно только безъ «Вьюнка» къ болоту выходить не къ чему и дичи выслѣдишь меньше!»

Когда Норовъ проходилъ по двору, «Вьюнъ», забывъ боль, поднялся съ подстилки и попытался допрыгать къ своему хозяину на трехъ ногахъ. Норовъ вернулся, уложилъ собаку на прежнее мѣсто и, приказавъ подвернувшемуся мальчику подержать «Вьюна», погрозилъ сетеру и быстро пошелъ къ воротамъ. Оставленная собака взвыла такъ, какъ никогда отъ нея не слыхивали. Въ самыхъ воротахъ молодой помѣщикъ задержался со старикомъ-сторожемъ.

Старикъ снялъ картузъ, пренизко поклонился и строго спросилъ:

— Далече-ли собрался, баринъ?

Норовъ, поздоровавшись, ласково отвѣтилъ:

— А не знаю, Петровичъ, какъ походится.

— Вотъ то-то и оно-то!—уже плаксиво зашамкалъ Петровичъ,—ты заплутаешь Богъ вѣсть гдѣ, а я въ отвѣтѣ опосля долженъ быть! Нѣтъ на тебя удержа. А послухай лучше пса! Слышь, какъ онъ воемъ воетъ. Не къ добру это. Вѣрь старому. Ей-ей, Маркъ Николаевичъ, не ходи ты, Христомъ Богомъ прошу, сегодня и вовсе!

— Ну, ну, полно, дѣдушка, чего ты? — похлопывая по плечу Петровича, старался успокоить старика Норовъ, — «Вьюнъ»-то воетъ потому, что нога болитъ и не привыкъ онъ оставаться, когда я ухожу... А ты сейчасъ: не къ добру...

— Нога-ногой,—перебилъ хозяина сторожъ, — а указка его сама по себѣ. Ты что думаешь? что онъ, песъ, — тварь безсловесная? А въ иное время песъ-то раньше человѣка напасть чувствуетъ!

— Ладно, ладно! Пусть по-твоему будетъ, не хлопочи: далеко не пойду!—успокоилъ Норовъ преданнаго слугу и вышелъ въ поле, а тотъ, рѣшивъ, что самаго дорогого, его помѣщика, въ домѣ нѣтъ, отправился въ свою каморку, «самую малость вздохнуть».

Петровичъ служилъ еще дѣду и отцу Марка Николаевича. Бывало, часто ввѣряли маленькаго барчука испытанному слугѣ и послѣдній, живя лишь воспоминаніями прошлаго, продолжалъ смотрѣть на своего настоящаго хозяина, какъ на ребенка, хотя этому ребенку было уже за тридцать лѣтъ. Петровичъ исполнялъ обязанности сторожа только для вида и согласно только своему желанію, такъ какъ, несмотря на полную дряхлость, ни за что не согласился даромъ хлѣбъ-ѣсть и наотрѣзъ отказывался отъ почетнаго покоя. Ничему старикъ такъ не радовался, какъ завѣреніямъ Норова, что вѣрнѣе сторожа ему не найти. Сообразительность и ясная память находили на Петровича уже только временами и онъ давно жилъ не разсудкомъ, а однимъ сердцемъ. Незлобивый, какъ дитя, старичекъ выходилъ изъ себя и озлоблялся въ двухъ случаяхъ: когда ему мерещилась какая-нибудь опасность или непріятность для барина и когда начинали, хотябы для шутки, увѣрять Петровича, что «онъ, Петровичъ,—человѣкъ вѣчный и переживетъ и третьяго хозяина». Тутъ уже, какъ говорится, на старика удержа не было и онъ начиналъ грубить даже и самому Марку Николаевичу.

II.

Не торопясь, пробирался Норовъ узкой тропинкой поля, жадно вдыхая особый, какъ-бы отдающій медомъ, запахъ хорошо и густо вызрѣвавшей ржи. Онъ думалъ о Петровичѣ, о его безкорыстной преданности и грустилъ, что, пожалуй, скоро придется разстаться со слугой-другомъ: очень уже замѣтно сталъ слабѣть старикъ и, видимо, недолго жить дѣдушкѣ.

— А нынче такихъ людей больше не попадается! — отъ души вздохнулъ Норовъ.—Вотъ глупости!—послѣ минутнаго раздумья, возразилъ онъ самъ себѣ: — почему не попадаться? И прежде такіе, какъ Петровичъ, встрѣчались не на каждомъ шагу, и теперь изъ молодыхъ могутъ сдѣлаться потомъ тоже, если не совсѣмъ, то въ родѣ моего старика. Нужно только умѣть ихъ находить и оберегать, какъ это дѣлалъ покойный мой батюшка.

Поле кончилось оврагомъ, на другой сторонѣ котораго подымался густой, крѣпкій и чистый лѣсъ. Лѣсъ не любитъ отвычки отъ него, а Маркъ Николаевичъ не былъ въ немъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, и потому даже своему владѣльцу лѣсъ казался будто-бы новымъ, мало знаемымъ. Чѣмъ дальше пробирался охотникъ, тѣмъ больше чувствовалось полное одиночество; не страхъ, а какая-то жуть забиралась въ душу и невольно чаще и чаще вспоминались предостереженіе Петровича и жалобный, долгій, тягучій, точно прощальный, вой «Вьюна».

Охота не спорилась. Хотя больше половины лѣса было пройдено Норовымъ, но добычей его были всего три—и то какія-то неважныя—пичужки; но онъ захотѣлъ переупрямить неудачу и шелъ дальше, поглядывая, не подвернется-ли что-нибудь стоящее выстрѣла.

Еще верста-полторы, и конецъ владѣніямъ Норова. Онъ порѣшилъ выбраться къ опушкѣ, поотдохнуть въ сосѣдней деревнѣ и оттуда, если удастся достать лошадей, вернуться домой ѣзженной дорогой.

Нежданно-негаданно для охотника въ тишинѣ лѣса раздался трескъ: будто ломаютъ хворостъ или идетъ напроломъ что-нибудь очень грузное и сильное. Такъ шумѣть даже и большая птица не можетъ. Быстро взявъ ружье на-изготовку, Маркъ Николаевичъ, по природѣ не изъ робкихъ, на этотъ разъ смутился, быстро сообразивъ, что легкой двухстволкой, съ зарядами изъ бекасинника, противъ крупнаго звѣря многаго не сдѣлаешь. Какъ на зло, Норовъ въ этотъ разъ позабылъ захватить даже охотничій ножъ. Вой «Вьюна» и жалобныя причитанія Петровича снова вспомнились, да такъ ясно, точно помѣщикъ слушалъ ихъ у себя на дворѣ. Онъ остановился, оглядѣлся, но, не замѣтивъ ничего, сталъ тихо продвигаться впередъ. И десятка шаговъ не сдѣлалъ Норовъ, какъ увидѣлъ между двухъ почти вплоть сросшихся деревьевъ что-то сѣрое, то чуть-чуть приподымавшееся, то опускавшееся. Скоро недоумѣніе охотника кончилось: что-то сѣрое поднялось совсѣмъ, потянулось и стало засовывать топоръ за кушакъ.

«Порубщикъ!—засмѣялся про себя Норовъ,—ну, теперь онъ, навѣрное, больше струситъ меня, чѣмъ я его!»—и смѣло пошелъ впередъ.

Когда Норовъ былъ почти подлѣ деревьевъ-развилинъ, то увидалъ порядочную связку хвороста-бурелома и возлѣ нея отдыхавшаго парня лѣтъ двадцати. Широкія плечи, высокая грудь и особенно сильныя, съ крупными жилами, руки говорили за то, что небольшой ростъ парня не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ богатырской силы.

— Здравствуй, молодецъ!—привѣтливо окликнулъ незнакомца Норовъ, очень довольный перерывомъ своего одиночества.

Парень заторопился снять старую, заношенную шапченку и уставился на барина большими голубыми, добрыми глазами. Все лицо его по своему выраженію больше напоминало подростка, чѣмъ уже взрослаго человѣка. Потомъ онъ будто-бы что припомнилъ, опустилъ глаза и, застыдившись вконецъ, началъ виновато бормотать, но такъ, что понять было хитро.

— Чего ты?—безъ всякой злобы спрашивалъ Норовъ,—развѣ ты меня знаешь? Ты, вѣрно, хотѣлъ порубку у меня сдѣлать?

Парень закраснѣлся до самыхъ волосъ, но взводимая напраслина заставила его оправдываться складнѣе.

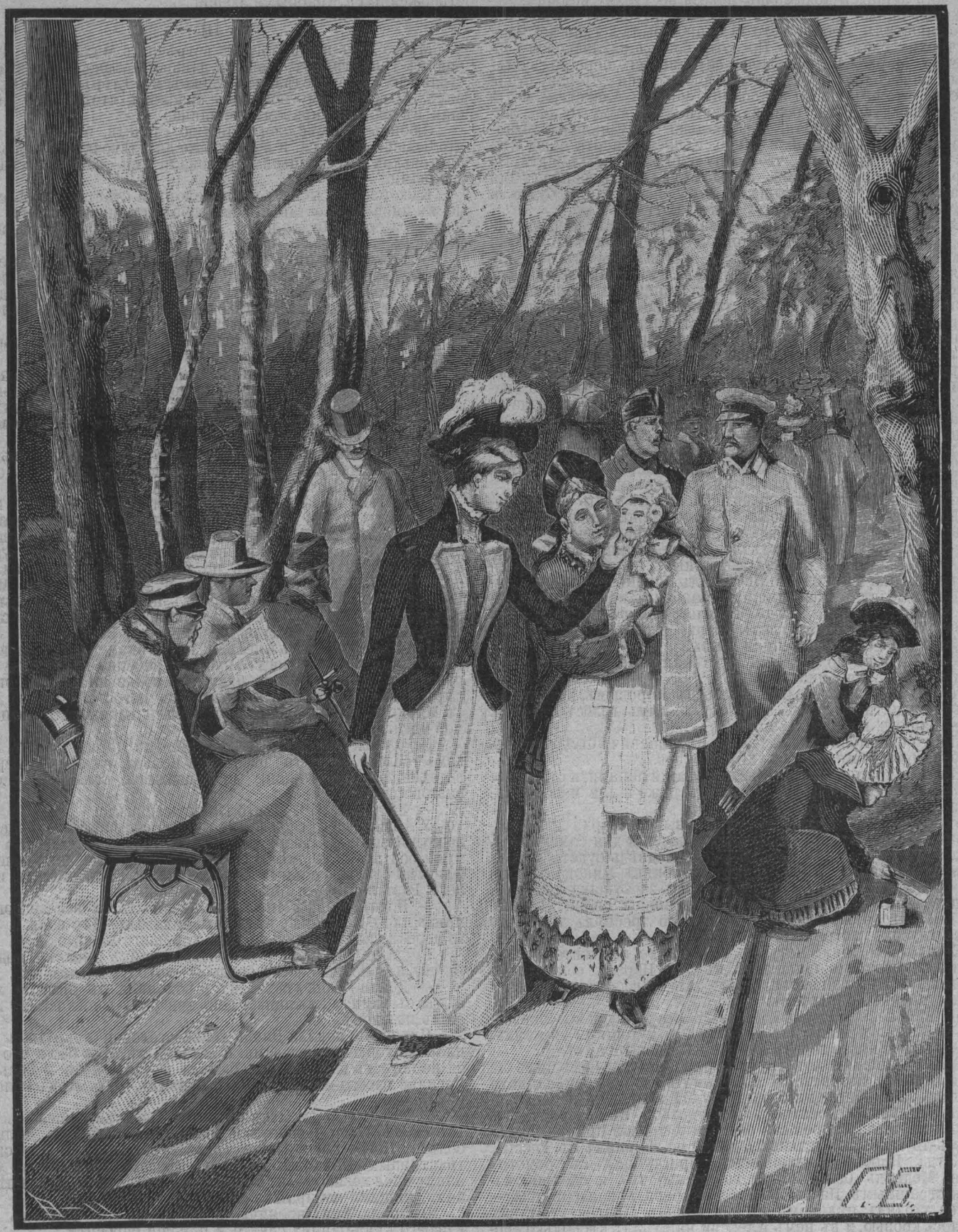
— Баринъ... съ «Крутого Яра» вы будете... «справедливый баринъ» прозвищемъ. А только умереть на мѣстѣ, а на такое дѣло, чтобы, значитъ, воровски рубить, я не пойду!—стараясь не сбиваться, заговорилъ парень и по всему было видно, что слова его—не ложь.

— Вѣрю, голубчикъ, вѣрю!—успокаивалъ оправдывавшагося Маркъ Николаевичъ,—ты, что-же, буреломъ, видно, собиралъ?

— Прости, баринъ, это ты правильно!—повинился собиравшій хворостъ, кланяясь въ поясъ. — И вся моя провинность въ томъ — слуху вѣру далъ, что, твоя милость, ни на сухоту *), ни на ягоду запрета не дѣлаешь и на нихъ не заришься! Вотъ я и того, а невдомекъ было, чтобы до управителя или до лѣсника твоего дойти...

— Да это и вѣрно!—перебилъ Норовъ,—ягодъ мнѣ всѣхъ не обобрать, да и не къ чему, а что буреломъ-то оберешь, такъ

*) Т. е., хворостъ, обсохшія, хотя-бы еще и находящіяся на деревьяхъ вѣтки и даже прошлогодняя листва.



ВЪ ГОРОДСКОМЪ САДУ. Оригин. рисун. **Г. Бролинга;** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

за это я тебѣ еще спасибо скажу. Лѣсъ, по крайней мѣрѣ чище будетъ. А ты изъ Грибницъ будешь? Если кончилъ съ хворостомъ, бери его, да и пойдемъ вмѣстѣ. Тамъ ты, можетъ быть, мнѣ лошадей подыщешь, пока я поотдохну немного.

Успокоенный молодецъ взвалилъ на спину хворостъ и бодро зашагалъ, точно у него за спиной была легкая котомка, а не трехпудовая тяжесть. По пути, благодаря ласковому обращенію Марка Николаевича, спутникъ его пересталъ смущаться, повеселѣлъ и сдѣлался словоохотливъ. Норову стало извѣстно, что его новый знакомецъ зовется Алексѣемъ и что онъ—круглый сирота, больше шести лѣтъ тому будетъ, живетъ съ бабкой, которая, хотя раньше на удивленье хозяйственная была, но заслабла давно, и, послѣ смерти отца, имъ такъ-то плохо пришлось, что впору побираться было идти. Но теперь пооблегчало немного и хворостъ-то онъ собиралъ для продажи, потому что слышалъ, какъ «люди баили, будто за него, за хворостъ-то, въ уѣздѣ цѣну даютъ».

Въ разговорѣ время шло незамѣтно. Лѣсъ началъ рѣдѣть и оврагиться, уже немного и опушка совсѣмъ близка была. Что-то зашелестило между кустовъ. Норовъ встрепенулся и весь засіялъ. Онъ остановился и знакомъ указалъ Алексѣю сдѣлать то-же. По кустамъ перепархивала лѣсная курочка, лакомая и по тѣмъ мѣстамъ рѣдкая добыча. Грянулъ выстрѣлъ—и тотчасъ-же раздался страшный трескъ, вмѣстѣ съ такимъ яростнымъ ревомъ, что и Норовъ, и Алексѣй застыли въ ужасѣ. Бѣжать нечего было и думать. И минуты не прошло, какъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ охотника поднялся огромный медвѣдь. Гдѣ искать спасенія? Что значитъ для такого страшилища зарядъ мелкой дроби? Однако, Норовъ выстрѣлилъ изъ неразряженнаго ствола, цѣлясь въ сердце свирѣпаго звѣря...

Снова лѣсъ огласился ревомъ, отъ котораго, казалось, должно было затрепетать все живое, все хотѣвшее жить. Звѣрь опустился на всѣ лапы и какъ-то подался въ одну сторону.

«Господи! неужели я спасенъ? Если хоть часть заряда дошла до сердца... бороться можно!»—какъ молнія, пронеслась въ головѣ Норова бодрящая дума и, быстро перевернувъ ружье, онъ схватился за конецъ ствола, чтобы защищаться прикладомъ на случай, какъ надѣялся охотникъ, послѣдняго, предсмертнаго нападенія звѣря. Не успѣлъ Норовъ взмахнуть прикладомъ, а медвѣдь уже поднялся и заносилъ надъ своей жертвой переднія лапы... Что-то горячее, липкое упало на лобъ Норову и залило одинъ глазъ. Марку Николаевичу мерещилось, что это—его собственная кровь...

— Гибну!—въ полупамяти простоналъ онъ, чувствуя горячее дыханіе разъяреннаго врага.

Что-то блестящее мелькнуло предъ Норовымъ, потомъ какой-то непонятный трескъ и, разомъ за нимъ, голосъ Алексѣя:

— Баринъ! назадъ! задавитъ!

Плохо еще понимавшій Маркъ Николаевичъ отскочилъ въ сторону, и въ то-же время рухнулъ звѣрь.

Нѣсколько судорожныхъ подергиваній лапами, и страшное животное перестало быть опаснымъ даже и для малаго ребенка.

Услышанное Алексѣемъ «гибну» вывело парня изъ оцѣпенѣнія, но онъ не вздумалъ искать спасенія для самого себя, въ расчетѣ, что можно убѣжать, пока медвѣдь будетъ ломать и грызть охотника. Лишь только столбнякъ миновалъ, Алексѣй сбросилъ хворостъ, выхватилъ изъ-за кушака топоръ и съ удвоенной отъ усердія своей чудовищной силой хватилъ медвѣдя по головѣ. Черепъ у животнаго треснулъ такъ, что лезвее глубоко застряло въ мозгахъ.

Еще въ холодномъ поту отъ только что пережитой опасности и не совсѣмъ пришедшій въ себя Норовъ обнималъ и цѣловалъ своего спасителя, а тотъ, стыдливо закраснѣвшись, съ разстановкой бормоталъ:

— Оно, конечно, всякое бываетъ... такое чудное... а невдомекъ и вовсе... откелева онъ объявился по тутошнимъ мѣстамъ, коли про него много годовъ и слухомъ не слышно было.

Весь отдавшійся чувству благодаренія Богу, помѣщикъ не помогъ своему избавителю припомнить, что въ двѣнадцати верстахъ за Грибницами стоитъ глухой, запущенный заповѣдный въ нѣсколько десятковъ верстъ лѣсъ, въ которомъ уже много лѣтъ была запрещена охота и который принадлежалъ какимъ-то баронамъ, давнымъ-давно не жившимъ въ Россіи.

Когда Норовъ поуспокоился, приступили къ осмотру звѣря. Медвѣдь былъ такой величины, что, и сдохши, казался страшнымъ. Пасть была вся въ крови, лѣвая лапа тоже—въ нее угодилъ цѣликомъ второй зарядъ. Правое ухо также сочилось кровью, и въ немъ Алексѣй нащупалъ нѣсколько дробинъ, задѣвшихъ, вѣроятно, медвѣдя послѣ перваго торопливаго выстрѣла по курочкѣ и заставившихъ звѣря такъ стремительно броситься изъ оврага на помѣшавшаго ему человѣка.

Спустились въ оврагъ; спускъ его былъ взрытъ, а на днѣ лежала задранная, съ отгрызанными кусками мяса, но еще теплая корова.

Убитаго медвѣдя Маркъ Николаевичъ призналъ, понятно, добычей Алексѣя и далъ за шкуру молодому силачу такую цѣну, что Алексѣй сдѣлался весьма зажиточнымъ мужикомъ въ округѣ; а сдѣланный изъ шкуры коверъ постоянно напоминалъ помѣщику, что и среди молодыхъ можно найти самоотверженныхъ, храбрыхъ людей!

III.

Много лѣтъ прошло послѣ встрѣчи съ Михаиломъ Ивановичемъ Топтыгиномъ. Алексѣй давнымъ-давно для всѣхъ крестьянъ изъ Алехи сдѣлался Алексѣемъ Егорычемъ. Онъ женатъ. Хозяйкой ему попалась красивая, степенная, работящая, съ добрымъ нравомъ женщина.

Любитъ Алексѣй свою Дашу до страсти, а она его такъ, что больше, кажется, и нельзя. Уже двѣ дѣвочки крѣпенькихъ, чистенькихъ, веселенькихъ радовали ихъ своими ласками и забавами.

Кажется, не сыскать было человѣка счастливѣе Алексѣя; но въ иной разъ оставитъ онъ забавляться съ дѣтьми, задумается, а послѣ, будто шутя, и скажетъ Дашѣ, показывая на дѣвочекъ:

— Кажись, за нихъ все, что ни на есть, отдамъ, а все куда ровнѣе было-бы къ нимъ мальченка прибавить. Ихъ расти, расти, а придетъ пора — замужъ возьмутъ и съ глазъ долой, будто и не было, ну, а сынъ, это — ужъ другое положеніе будетъ. Сыномъ и домъ держится!

— На все Божья власть и воля! — не переча, покорно отвѣчала Даша.

Наконецъ, и это желаніе Алексѣя исполнилось. Мальчикъ родился удачливый, занятный и скоро сталъ въ домѣ общимъ любимцемъ. А Алексѣй на радостяхъ то и дѣло твердилъ:

— Наградилъ Господь меня всѣмъ! а за что—и самъ въ толкъ взять никакъ не могу!

Быть крестнымъ новорожденному самъ Маркъ Николаевичъ вызвался. Очень ему полюбился крестникъ и сталъ онъ чаще прежняго въ Грибницы къ Алексѣю наѣзжать.

Съ зубами мальчикъ молодцомъ справился, ходить и бѣгать началъ; третій годъ ему уже пошелъ, и онъ еще занимательнѣе сдѣлался. Вдругъ въ деревнѣ на дѣтей хворь пошла—не то корь, не то скарлатина, сначала и разобрать не сумѣли, а только во многихъ избахъ по умершимъ дѣткамъ плакать пришлось. Не пожалѣла болѣзнь и алексѣева дома. Маркъ Николаевичъ хорошаго доктора къ нему посылалъ: дѣвочки выдержали, поправились, а мальчикъ, промучившись съ недѣлю, отдалъ свою чистую, дѣтскую душу Богу.

Свѣта не взвидѣлъ Алексѣй, точно окаменѣлъ, и ни до чего ему дѣла не стало; а когда опустили ребенка въ могилку, здороваго, сильнаго мужика будто что подкосило: упалъ онъ на сырую землю и уходить не хочетъ съ погоста. Еле-еле Даша съ Маркомъ Николаевичемъ уговорили несчастнаго отца домой идти.

Осунулся, извелся Алексѣй, цѣлыми днями сидитъ молчкомъ — слова отъ него дождаться нельзя, развѣ что изрѣдка вздохнетъ на всю горницу, да и скажетъ, какъ-бы съ собой разговаривая:

— За что-же это? за что тяжесть эдакая?

У Даши своего горя выше головы: не забыть хорошей, не вертуньѣ-матери своего ребенка, а только начала она и за мужа бояться, и, кромѣ того, обидно ей стало, что дочерьми Алексѣй совсѣмъ заниматься пересталъ, точно и нѣтъ ихъ у него. Разъ какъ-то и говоритъ ему жена:

— И мнѣ вовѣкъ Мишеньки не забыть, а все-же Бога помнить надо. Не однихъ насъ Онъ наказалъ—Его воля; а такъ-то черезъ силу изводиться тоже хорошаго мало.

Не далъ докончить рѣчь своей хозяйкѣ Алексѣй, поднялъ голову и—впервые послѣ свадьбы—грубо отвѣтилъ ей:

— Дочки—твоя утѣха... ну, и возжайся съ ними, а я, можетъ, съ «нимъ» кажинный день говорю!—взялъ шапку и вышелъ изъ дому.

Ничего не поняла Даша, только головой покрутила и заплакала горючими слезами. А загадка въ томъ была, что мужъ ея на погостѣ каждый день бывалъ и часъ, а то и больше у могилки своего мальчика просиживалъ,—объ этомъ молодуха не знала.

Послѣ этой размолвки съ женой, Алексѣй пошелъ въ трактиръ и къ вечеру вернулся нѣсколько выпивши. Дальше—больше. Новое горе у Даши: чувствуетъ она, что если своихъ трактирныхъ повадокъ мужъ не броситъ, то никакое, самое наилучшее хозяйство не выдержитъ, и быть имъ, въ концѣ концовъ, нищими-побирашками.

Выбрала Даша времячко и побывала въ «Крутомъ Яру» у своего кума-барина совѣта и помощи спросить.

На другой-же день Норовъ понавѣдался въ Грибницы. Повидалъ онъ Алексѣя наединѣ и всѣми силами старался усовѣстить его. Тотъ застыдился, сперва все молчалъ, а потомъ сталъ все одно и то-же повторять:

— Оно такъ! да горе-то мое велико... не осилить его никакъ!

Маркъ Николаевичъ пытался убѣдить мужика, что виномъ горя не зальешь, а еще, пожалуй, больше растравишь. Видно

было, что у Алексѣя мозги уже дурманиться начали, потому что онъ довольно смѣло отвѣтилъ:

— Благодѣтель вы мой, Маркъ Миколаичъ, это дѣйствительно, ласки вашей по гробъ не забуду, а только такъ какъ вы родителемъ не были, то ни въ жисть вамъ моего родительскаго разстройства не понять.

И говорить-то Алексѣй по-трактирному какъ-то началъ, и раза три-четыре однодеревенцамъ довелось увидать его, раньше всегда степеннаго хозяина, спавшимъ у могилы сына мертвецки-пьянымъ.

Подумалъ, подумалъ Норовъ и попросилъ мѣстнаго священника на путь истинный Алексѣя наставить.

Хорошо и душевно поучалъ его батюшка, а когда кончилъ, Алексѣй такъ отвѣтилъ:

— Извѣстно, гулянье мое—грѣхъ тяжкій, а только Богъ мнѣ проститъ, потому что я при жизни наказанъ.

И стало старику-священнику ясно, что вино стало сильно затуманивать не только умъ, а и совѣсть Алексѣя.

Но все-же послѣ бесѣды что-то защемило въ душѣ у послѣдняго, и онъ, вернувшись домой, лучшаго не надумалъ, какъ свой стыдъ угощеніемъ въ трактирѣ заглушить.

— Давай денегъ, Дарья! — глухо, не смотря ей въ лицо, спросилъ Алексѣй.

Та, видя, что уже поздній вечеръ подходитъ, и зная, что мужъ успѣлъ еще утромъ въ трактирѣ побывать, рѣшилась схитрить, да и говоритъ:

— Вотъ, вѣдь, обида какая! ключъ отъ ящика, гдѣ деньги положены, запропастился куда-то. Обожди до утра, при свѣтѣ сподручнѣе найти его будетъ!

— Очень мнѣ нужно утра дожидаться! — грубо отвѣтилъ Алексѣй. — Вотъ то-то и оно: «запропастился куда-то», — передразнилъ онъ свою хозяйку и добавилъ: — какъ ключу не запропаститься, коли за своимъ ребеночкомъ доглядѣть не могла? Не иначе, какъ отъ недоглядки онъ и померъ, сердешный!

Подобравъ кое-что изъ домашнихъ вещей, Алексѣй махнулъ рукой и за дверь, а несчастная женщина горько разрыдалась отъ выслушанной напраслины и мужнинъ попрекъ казался ей обиднѣе самыхъ ужасныхъ побоевъ.

Подъ самое утро пьянѣе вина пришелъ домой Алексѣй—въ разорванномъ платьѣ, безъ картуза и захваченныхъ наканунѣ вещей — и завалился спать, а Даша отослала дѣтей къ роднымъ и заторопилась въ «Крутой Яръ», спросить, какъ ей быть дальше съ мужемъ?

Тяжело было Норову слушать жалобы изморившейся изъ-за мужа бабы, тяжело было видѣть, что цѣлая семья можетъ пропасть зря. Онъ успокоилъ, какъ сумѣлъ, Дашу и, наказалъ ей, вернувшись въ Грибницы, всячески постараться задержать дома мужа и пообѣщался сегодня-же побывать у нихъ.

Долго спалъ Алексѣй, сперва, какъ трупъ, не двигался, а подъ конецъ началъ икать, разбрасываться, хрипѣть въ полуснѣ. Даша заблаговременно купила водки: пусть ужъ лучше дома пьетъ, чѣмъ съ чужими людьми.

Проспался Алексѣй, но въ себя придти не можетъ вполнѣ. Даша ему опохмелиться предложила. Вымылся онъ, холоднаго кваса почти жбанъ выпилъ, какъ-бы слегка оправился и за водку сѣлъ, самодовольно замѣтивъ женѣ:

— То-то! видно, потерянный ключъ отыскался!

Не успѣлъ Алексѣй второй стаканъ водки выпить, какъ увидѣлъ черезъ окно, что около его избы дрожки «справедливаго барина» остановились.

IV.

По уходѣ жены Алексѣя, Норовъ сѣлъ, сжалъ голову руками, застылъ такъ и все одно думалъ:

«Господи! Господи! мнѣ-же Алексѣй жизнь спасъ! Моя обязанность!.. Научи, Боже милостивый, какъ мнѣ его спасти! А что дѣлать, если не только меня, а и батюшку слушать не хочетъ?»

Норовъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ; долго ходилъ и вдругъ точно что осѣнило его. Онъ ободрился, бросилъ думать и прошепталъ:

— Почемъ знать? можетъ быть, и удастся!

Пріѣхалъ онъ въ Грибницы къ Алексѣю; тотъ ужъ успѣлъ распорядиться, чтобы водку убрали, сидитъ за столомъ опухшій и лицо въ царапинахъ.

Маркъ Николаевичъ и вида не показалъ, что ему прекрасно извѣстно, почему Алексѣй такимъ кажется, а сразу повелъ рѣчь о сторонникъ вещахъ. Потомъ онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь, да и спрашиваетъ:

— Любишь-ли ты меня хоть чуточку, Алексѣй Егоровичъ?

— За васъ, Маркъ Николаевичъ, въ огонь и въ воду! Сами знаете! — встрепенулся Алексѣй.

— Ну, ладно! — сказалъ Норовъ, — если такъ, то не откажи, голубчикъ! затѣялъ я по хозяйству дѣло одно, только хочу раньше тебѣ показать и твоего совѣта спросить. Дѣло-то не терпитъ: будь добръ, собирайся живѣе, да и поѣдемъ ко мнѣ сейчасъ-же!

«Ишь ты, самъ Маркъ Миколаевичъ моего совѣта ищетъ!» — возгордился въ душѣ Алексѣй и поторопился отвѣтить:

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, баринъ, вотъ только дозвольте обрядиться самую малость!

— Собирайся, собирайся! — продолжалъ Норовъ, — можетъ быть, и заночевать у меня придется. Ну, да хозяюшка твоя не обезсудитъ: цѣлъ вернешься! — засмѣялся онъ.

— И, баринъ, съ вами ѣхать — не по кабакамъ путаться! — уязвила Даша мужа за прошлую ночь.

По дорогѣ помѣщикъ объяснилъ, что имъ полученъ издалека особый сортъ пшеницы и онъ заблаговременно выбралъ для засѣва мѣсто, а управляющій божится, что на выбранномъ участкѣ зерно зря пропадетъ, поэтому-то онъ и проситъ Алексѣя, какъ старательнаго, знающаго хозяина, ихъ споръ разобрать. Алексѣй, лишь пріѣхалъ, сейчасъ-же пошелъ землю смотрѣть, смотрѣлъ на совѣсть, что называется, чуть-ли каждую былинку не переворотилъ. Вернулся онъ съ поля поздно и говоритъ Норову:

— Нѣтъ, баринъ, управитель правду сказалъ—земля неподходящая будетъ!

— Ну, ладно, — согласился помѣщикъ, — тогда завтра утромъ съ тобой новое мѣсто осмотримъ, а теперь пойдемъ: закусить тебѣ надобно, чайку попьемъ, а потомъ и спать скоро пора будетъ!

Пошелъ Алексѣй, а за чаемъ его Норовъ вдругъ спрашиваетъ:

— Скажи, пожалуйста, давно ты на могилкѣ моего крестника былъ?

— Третьяго дня, батюшка, Маркъ Миколаевичъ, — отвѣтилъ Алексѣй, сразу запечалившись и даже стаканъ съ чаемъ отодвинулъ отъ себя.

— Давно я тамъ не былъ, думаю собраться на-дняхъ. А что въ порядкѣ она? Можетъ быть, поправка нужна? прибрать кое-что? — продолжалъ Норовъ.

Алексѣй смутился: лгать про самое дорогое ему мѣсто онъ не рѣшался, а говорить правду было совѣстно.

— Оно ничего себѣ было-бы, — виновато заговорилъ онъ, опустивъ глаза, — а только на прошлой недѣлѣ, какъ гроза была, размыло сбоку нѣсколько, и крестъ немного покосился! Да это я завтра-же въ порядокъ приведу! — старался оправдать себя Алексѣй.

Норовъ точно этого только и ждалъ.

— Нѣтъ! не по-настоящему ты моего крестника любилъ... — съ жаромъ заговорилъ онъ.

— Какъ это можетъ быть? да я, кажется... — почувствовавъ обиду, возразилъ Алексѣй.

— Погоди! потомъ твой чередъ будетъ говорить! — остановилъ мужика Маркъ Николаевичъ и продолжалъ: — да! не по-настоящему! И вотъ почему. Удивительное дѣло, какъ у насъ покойниковъ поминаютъ: пришли, помолились, поплакали на могилѣ, а послѣ на той-же могилѣ присѣли, ѣсть начинаютъ, водку, пиво пьютъ... а что дальше... и говорить противно. И дома разговоры: «ужъ такъ-то помянули, такъ-то, что даже бабъ ни одной тверезой не было! Дядя Митяй, совсѣмъ пьяный, черезъ силу Пахома Панкратьевича уволокъ». Это-ли поминовеніе души христіанской? Оттого и выходитъ, что въ одномъ мѣстѣ—«Со Святыми упокой!», запахъ ладона, плачъ и рыданія слышатся... а черезъ сто шаговъ пьяный смѣхъ и осколки отъ бутылокъ летятъ. Это я про городскія кладбища и большіе погосты говорю, но и наши маленькіе не лучше становятся. Оттого-то на нашихъ кладбищахъ поломанные памятники, яичная скорлупа и разные объѣдки около могилъ валяются, а вотъ на нѣмецкихъ, на которыхъ мнѣ бывать приходилось, чистота, все прибрано, пьянаго не встрѣтишь! А нѣмцы не меньше нашего пьютъ. Или они больше Бога любятъ? И это сказать нельзя, даже навѣрное меньше. А горе-то наше въ неряшествѣ все. Вотъ и ты: «люблю мальчика, какъ жизнь свою». Умеръ — Божья воля, молись за него, поминай, по возможности, въ память его, добрыя дѣла твори, за могилкой наблюдай! А пьянствомъ свою любовь къ покойнику нечего показывать!

Алексѣя точно хлыстомъ ударили эти слова, но онъ только потупился и думалъ: «Вотъ и батюшка почти то-же говорилъ, только жалѣючи, не такъ обидно выходило».

Норовъ, глубоко вздохнувъ, продолжалъ:

— А вотъ Мишенька тебя чистымъ сердцемъ любилъ. Это я знаю: самъ видѣлъ, какъ онъ, бывало, чуть издали замѣтитъ тебя, отъ радости даже затрясется весь! Онъ теперь тамъ, наверху, у Бога. Ему должно быть хорошо, да, вѣдь, тайнъ-то Божьихъ мы не знаемъ и знать не можемъ. Ну что, если его покой, его ангельскую жизнь ты своимъ поведеніемъ теперь смущаешь? Что, если, любя тебя и тамъ, скорбитъ его душа по тебѣ и думаетъ: не отмолить даже ему тебя — значитъ, не встрѣтиться вамъ никогда и въ загробной жизни?

Алексѣя всего перекосило отъ послѣднихъ словъ, онъ понурился и тихо сказалъ:

— Оставьте, Маркъ Миколаевичъ, и такъ не легко!

— Сейчасъ, милый мой, не много осталось договорить! — ласково отвѣтилъ Норовъ, — вотъ что я надумалъ: подождемъ завтра съ осмотромъ поля, а утромъ поѣдемъ на кладбище и

ПО МІРУ. Съ картины **И. И. Ланского** гравир. для „Родины“ **Н. Юревичъ.**

Филаретъ Никитичъ Романовъ принимаетъ пословъ съ грамотой о возвращеніи его изъ польскаго плѣна. Ориг. рис. **В. Волкова**; грав. для „Родины“ **Б. Пуцъ**

завтра-же могилку исправимъ. А ты мнѣ обѣщай, накрѣпко обѣщай, что, если больше не можешь, хотя два-три дня водку пить не будешь. Чуетъ мое сердце, что почувствуешь ты такъ или иначе, какъ должна возрадоваться мишенькина душа такому зароку!

Алексѣя въ потъ даже ударило. Обѣщаніе, однако, онъ далъ и, для вѣрности, крестнымъ знаменьемъ себя осѣнилъ; но не укрылось отъ Норова, какъ глаза Алексѣя, противъ воли, не то съ жалостью, не то съ жадностью останавливались на водочномъ графинѣ, и онъ, давши своему гостю успокоительныхъ капель вмѣсто водки, сказалъ, подымаясь:

— А теперь иди, братецъ ты мой, въ контору, тамъ тебѣ постель постлана.

V.

Проснувшись на другой день чуть свѣтъ, Алексѣй хотѣлъ пока что около барскаго дома побродить, и велико было удивленіе привыкшаго вставать рано мужика, когда онъ увидалъ сидѣвшаго въ саду и уже пившаго чай барина.

— Ну, садись! Пей чай, а потомъ и поѣдемъ, нечего зря время терять. И такъ, поди, Даша и дочки, славныя онѣ у тебя, соскучиться успѣли.

Черезъ полчаса Норовъ съ Алексѣемъ ѣхали въ Грибницы, на погостъ.

У самой ограды помѣщикъ остановилъ дрожки и сказалъ:

— Ты прямо на могилку иди, а мнѣ надо на четверть часа къ батюшкѣ заѣхать, а послѣ я къ тебѣ вернусь и вмѣстѣ разсудимъ, что дальше дѣлать.

Подошелъ къ могилкѣ Алексѣй и замеръ, точно что его пришибло и сознанія лишило. Стоитъ, ничего не понимаетъ, своимъ глазамъ вѣру дать боится. Мѣсто то-же, крестъ и надпись на немъ тѣ-же, а могилки не узнать: обвалившаяся сторона присыпана, крестъ стоитъ прямо и на поверхности могилы растутъ такіе чудные, невѣдомые Алексѣю цвѣты, еще въ капляхъ не обсохшей росы и съ такими затѣйливыми узорами, что онъ и понять не можетъ, что это за цвѣты? И запахъ около могилы такой, что Алексѣю начинаетъ думаться, будто онъ у райскаго уголка стоитъ.

Смотритъ, смотритъ Алексѣй и все шепчетъ:

— Божье чудо! Божье чудо!—а потомъ схватился за голову да какъ выкрикнетъ:—Мишенька! прости мнѣ, окаянному!

Упалъ Алексѣй на колѣна и сталъ земные поклоны дѣлать, а слезы по лицу текутъ, и такія, что въ самыя похороны тише шли. Алексѣй весь отдался своей молитвѣ и не слыхалъ, какъ къ нему Маркъ Николаевичъ подошелъ. Тронулъ тогда Норовъ своего кума за плечо; тотъ вскочилъ и сказалъ:

— Гляньте, гляньте, баринъ, какъ могилка чудесно убрана и цвѣты выросли, въ нашихъ мѣстахъ невѣдомые!

Помѣщикъ выждалъ, когда Алексѣй поуспокоился немного, и произнесъ:

— Видишь-ли? ты обѣщаніе всего на нѣсколько дней далъ, а какая къ тебѣ милость проявилась. Такъ вотъ ты теперь-же на этомъ для тебя дорогомъ мѣстѣ и дай зарокъ на всю жизнь, что не будешь напиваться ни съ горя, ни съ радости!

Съ тѣхъ поръ никто не видывалъ Алексѣя пьянымъ—онъ сдѣлался самымъ строгимъ трезвенникомъ. Слухи-же о могилкѣ съ невѣдомыми цвѣтами прошли далеко за предѣлы Грибницъ, причемъ разсужденія о ней были разныя — одни говорили, что это все—радѣніе барина съ «Крутого Яра», а другіе, въ особенности женщины, появленіе цвѣтовъ объясняли иначе.

Жизнь шла своимъ чередомъ: одни прощались съ ней, а на смѣну имъ нарождались другіе, чтобы въ свое время послѣдовать примѣру первыхъ. Даша подарила мужа тремя бойкими, пригожими и смышленными парнишками-погодками. А самъ Алексѣй за свою трезвую, чистую жизнь и за любовь къ своему храму безсмѣнно выбирается деревенскимъ церковнымъ старостой.

Когда Норовъ убѣдился въ стойкости и твердости Алексѣя, онъ признался своему куму, что въ ту ночь, когда Алексѣй ночевалъ въ «Крутомъ Яру», онъ, Норовъ, успѣлъ съѣздить, на кладбище и засадить могилу цвѣтами.

— Ужъ ты меня извини!—говорилъ помѣщикъ,—для твоего спасенія все втайнѣ сдѣлалъ, а сдѣлать это было мнѣ не трудно. Моя прислуга къ моей любви покататься позднимъ вечеромъ одному, безъ кучера, давно привыкла. Цвѣты тоже крестьянамъ легко могли чудесными показаться: они впервые выращены мною изъ заграничныхъ сѣмянъ. Но хотя я тебѣ не зла желалъ, а все какъ-то было стыдно отъ тебя правду скрывать—на обманъ походило...

— И полноте, батюшка Маркъ Миколаевичъ, что-й-то вы?—поторопился отвѣтить Алексѣй. — Нешто я не знаю, что васъ «справедливымъ бариномъ» зовутъ! Самъ еще парнишкой отъ покойнаго родителя своего не разъ слыхалъ, что, захоти вы сами какую неправду сдѣлать, у васъ все единственно на истинное сведется!

КОНЕЦЪ.

Вечеръ гасъ.

Вечеръ гасъ. Темнѣли дали
Глохли голоса.
Милліономъ звѣздъ сіяли
Кротко небеса...
Да кузнечиковъ тягучій
Несся трескъ съ луговъ..
Я бродилъ, ища созвучій
Для моихъ стиховъ.
Но напрасно: мысль молчала,
Какъ окрестъ кругомъ,
Греза тихо умирала
Въ сумракѣ ночномъ.
И я думалъ: скучно! скучно!
Больше нѣтъ огня
Для молитвы, пѣсни звучной
Въ сердцѣ у меня.
И въ тоскѣ ломая руки,
Въ высь я устремлялъ
Взглядъ горящій, полный муки,
И рыдалъ, рыдалъ.
А на небо восходила
Блѣдная луна,
Степь молчала, какъ могила,
Въ сладкой нѣгѣ сна.

Лишь вдали ручей пѣвучій
Говорилъ безъ словъ
Да кузнечиковъ тягучій
Несся трескъ съ луговъ.
Міръ весь былъ мечтой прекрасной,
Воздухъ не дышалъ...
И въ слезахъ, съ мольбою страстной,
Громко я воззвалъ:
— «Боже! дай мнѣ вдохновенье,
Грезами обвѣй,
Теплой вѣры дуновеньемъ
Душу мнѣ согрѣй!
Средь житейской, пошлой прозы,
Дай мечтой пожить,
Эти муки, эти слезы —
Въ звуки перелить!»
И мольба въ стихи слагалась,
Мои лаская слухъ,
Пламенѣла, разросталась,
Окрыляла духъ...
И рвались благодаренья
Изъ моей груди...
Горе, муки и сомнѣнья
Были назади!

Е. И. Березовскій.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

Тогда Кедринскій, въ свою очередь, обошелъ акваріумъ съ другой стороны и, ставъ къ дѣйствующему уху генерала, повторилъ свою фразу.

— А! До свиданія, молодой человѣкъ, до свиданія.

Кедринскій ушелъ.

Ему пришла мысль зайти заодно ужъ къ Обровскому и доложить ему свою просьбу. Но это имѣло-бы видъ жалобы на дѣйствія командира полка и, кромѣ того, не привело-бы рѣшительно ни къ какому положительному результату. Педантъ Обровскій ни за что не взялъ-бы на себя рѣшенія вопроса, которое принадлежитъ командиру полка—это, во-первыхъ; во-вторыхъ, Обровскій, насколько было извѣстно Кедринскому, тоже не любилъ женатыхъ офицеровъ, и въ третьихъ, Обровскій не любилъ его самого. Онъ считалъ Кедринскаго не служакой, хотя до сихъ поръ все начальство было до вольно его службой. Но Обровскій называлъ его „шефомъ учебной команды“, которою онъ завѣдывалъ, на томъ основаніи, что Кедринскій никогда не могъ немедленно и въ точности отвѣтить на вопросъ начальника дивизіи о семейномъ положеніи каждаго солдата, о годѣ вступленія его въ службу, о томъ, изъ какой губерніи солдатъ, и прочее

И, такимъ образомъ, Кедринскій рѣшилъ, что никуда больше не пойдетъ, а отправится домой и напишетъ рапортъ объ отставкѣ.

Ему ничуть не было страшно сдѣлать этотъ смѣлый, роковой, можно сказать, шагъ въ жизни каждаго офицера.

То чувство, которое жило въ немъ теперь, было сильнѣе всякаго другого чувства—страха или радости.

Онъ былъ полонъ однимъ ощущеніемъ—счастьемъ сознанія, что любитъ Юлію Алексѣевну серьезной, глубокой и сильной любовью. Полюбилъ онъ ее давно, слишкомъ годъ тому назадъ; въ этотъ годъ онъ имѣлъ возможность присмотрѣться и прислушаться къ своему чувству.

Оно казалось ему огромнымъ.

Онъ сталъ смотрѣть на себя совершенно иначе съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ эту сильную дѣвушку; онъ самъ сталъ казаться себѣ сильнымъ на подвигъ.

Кедринскій презрительно пожалъ плечами.

„Развѣ это — подвигъ, пожертвовать службой изъ-за любви къ такому человѣку?“

Въ сущности, чѣмъ онъ рискуетъ? Онъ молодъ, силенъ духомъ, здоровъ, трудоспособенъ. Развѣ только и свѣта въ окошкѣ, что военная служба? Работать можно вездѣ. И развѣ такому способному человѣку могутъ отказать въ работѣ? Вовсе ужъ общество не такъ богато работниками, чтобы выбрасывать за бортъ такой полезный элементъ, какимъ является, напримѣръ, онъ.

И жизнь казалась ему окрашенной въ розовую краску. Когда они женятся, жена его будетъ трудиться попрежнему, будетъ дѣлать свое любимое и полезное дѣло, онъ будетъ тоже работать на поприщѣ, которое ему будетъ симпатичнѣе военной службы уже потому, что онъ будетъ самостоятельнѣе и свободнѣе. У обоихъ жизненныя требованія невелики. Оба просты въ своихъ желаніяхъ и обоимъ не много нужно, чтобы чувствовать себя счастливыми. Онъ представлялъ себѣ ихъ уютную квартирку, ихъ вечера, которые они будутъ проводить вмѣстѣ за чтеніемъ или обмѣномъ мыслей послѣ трудового дня.

„„Мѣщанскій идеалъ!“—навѣрное, сказалъ-бы Матвѣй Семеновичъ, и былъ-бы правъ,—подумалъ Иванъ Петровичъ.—Но общество не можетъ состоять исключительно изъ аристократіи и я не имѣю претензіи на занятіе неподобающаго мнѣ мѣста“.

Ему вспомнились слова Николая Сергѣевича, что ихъ не станутъ пускать въ „общество“.

Иванъ Петровичъ при этой мысли нетерпѣливо передернулъ плечами. Что за бѣда? Ихъ провинціальное общество—совсѣмъ не тотъ эдемъ, въ который онъ стремится. Заниматься сплетнями—вовсе уже не такая отрадная перспектива, чтобы жалѣть о невозможности дѣлать это. Но и въ провинціальномъ обществѣ найдутся люди серьезные и честные, которые не откажутъ имъ въ своей дружбѣ. Вздоръ! всегда отыщется нѣсколько людей, которые захотятъ съ ними знаться. Конечно, безъ людей не проживешь, а имъ съ Юліей достаточно небольшого, но интимно, тѣсносплоченнаго кружка такихъ-же простыхъ и скромныхъ тружениковъ, какими будутъ они сами.

Онъ поднялъ голову. Вдали рисовались на прозрачномъ, голубомъ небѣ горы нѣжно-фіолетоваго цвѣта, затянутыя внизу серебристо-голубой дымкой тумана; вершины горъ блистали серебромъ снѣга и по извилинамъ ихъ, въ расщелинахъ, залегалъ снѣгъ, походившій на серебристыя змѣйки.

Таинственно и мрачно чернѣли рощи раинъ у подножія горъ, а внизу, подъ этими рощами, бурлила и грохотала рѣка, неся въ горную даль свои мутныя, желтыя воды. И въ воздухѣ стояла тишина, та тишина, которая показалась Ивану Петровичу символомъ мирной, удовлетворенной въ своихъ стремленіяхъ, человѣческой жизни.

И ему сдѣлалось вдругъ хорошо на душѣ, спокойно, отрадно и весело.

Да, онъ подастъ въ отставку и пусть Николай Сергѣевичъ не пугаетъ его всякими страшными перспективами.

Онъ пришелъ домой, сѣлъ къ столу и написалъ прошеніе. Затѣмъ онъ позвалъ денщика и отправилъ его съ прошеніемъ къ командиру.

Кедринскій, сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, сѣлъ на тахту и задумался.

Онъ думалъ о Юліи Алексѣевнѣ. Онъ любитъ ее, любитъ такъ, какъ никого еще не любилъ въ жизни. Эта страсть захватила его сразу, словно болѣзнь, и долго держала его въ остромъ періодѣ; но потомъ рѣзкіе симптомы прошли и страсть обратилась въ хроническое страданіе, да, именно, страданіе, потому что она лишала его сна и душевнаго покоя. И не было другого лекарства отъ нея, какъ бракъ.

Но Юлія? Любитъ-ли она его такъ-же, какъ онъ ее?

И когда Кедринскій поставилъ себѣ прямо этотъ вопросъ, то почувствовалъ какое-то душевное неудобство.

Конечно, любитъ! Развѣ онъ не видитъ этого ежедневно по тому счастью, какое свѣтится въ ея глазахъ при встрѣчѣ съ нимъ, по тѣмъ словамъ, которыя она говоритъ ему?

Но тогда откуда-же это ощущеніе душевнаго неудобства?

Юлія — дѣвушка иного типа, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ до сихъ поръ зналъ. И происхожденіе ея, и ея дѣло выработало у нея особенный взглядъ на жизнь. У нея не было ни его восторженности, ни его увлеченія. Она была осмотрительна и осторожна. Жизнь,

давшаяся ей съ трудомъ, казалась ей труднымъ и сложнымъ аппаратомъ, съ которымъ надо обращаться бережно, ловко и осторожно. Малѣйшій невѣрный шагъ—и все летитъ прахомъ. Колесо жизни не останавливается и въ своемъ вѣчномъ движеніи крушитъ и давитъ подъ собой всякаго, кто зазѣвается, кто сдѣлаетъ невѣрный шагъ. Вотъ это представленіе о жизни и дѣлаетъ ее такой осторожной и осмотрительной и эта осторожность какъ-то связываетъ ея лучшія чувства и мысли, не даетъ ей свободы и шири.

И она кажется ему иногда узковатой въ своихъ взглядахъ, сдержанной въ своихъ чувствахъ.

Уже темнѣло, когда Кедринскій усиліемъ воли вышелъ изъ этихъ дебрей созерцанія.

Онъ взялъ фуражку, накинулъ пальто и пошелъ на улицу.

На улицахъ городка было темно. Вечерніе огни зажигались въ окнахъ низенькихъ одноэтажныхъ домиковъ. Кое-гдѣ тускло и вяло горѣли фонари. Зданіе театра, мимо котораго онъ прошелъ, было освѣщено керосиновыми фонарями, но публики у дверей кассы было мало. Большинство шло въ клубъ.

Иванъ Петровичъ не пошелъ въ клубъ обѣдать. Ему не хотѣлось ѣсть и не хотѣлось встрѣчаться съ этими людьми, которые надоѣли ему до смерти. Къ тому-же вѣсть о его отставкѣ, навѣрное, уже разнеслась по городу, какъ здѣсь разносится рѣшительно все, и ему пришлось-бы отвѣчать на многочисленные вопросы, выраженія сочувствія, соболѣзнованія и совѣты.

Онъ круто повернулъ съ площади въ боковую уличку, въ концѣ которой стоялъ домъ, гдѣ жила Юлія Алексѣевна.

VI.

По двумъ освѣщеннымъ окнамъ, выходившимъ на улицу, Иванъ Петровичъ узналъ, что Юлія Алексѣевна дома. Эти два окна, свѣтившіяся сквозь спущенныя занавѣси, принадлежали угловой комнатѣ, въ которой любила сидѣть по вечерамъ, возвратившись домой послѣ своего трудового дня, Натарова.

Иванъ Петровичъ вошелъ въ домъ.

Его встрѣтила горничная, тотчасъ-же заявившая, что барышня дома.

Эти посѣщенія офицеромъ дѣвушки, живущей одиноко, были давно на замѣчаніи у мѣстныхъ моралистовъ и о нихъ въ первое время много говорили и по поводу ихъ не мало качали головами.

Укоризненно относились и къ Натаровой, которая рѣшила жить отдѣльно отъ матери, своимъ домомъ, что вовсе не полагалось „барышнѣ“. Но такъ какъ она была незаконной дочерью и къ тому-же массажисткой, то, въ концѣ концовъ, моралисты нашли, что ей, пожалуй, это можетъ быть дозволено, потому что она не принадлежитъ къ „обществу“. Но по поводу посѣщеній Кедринскаго давно уже ходили недобрыя сплетни.

Дѣло, которому посвятила себя Натарова, было еще новымъ дѣломъ въ этомъ глухомъ уголкѣ. Массажъ только что начиналъ пріобрѣтать права гражданства и широкое распространеніе. Но въ первое время къ нему относились недовѣрчиво и Натаровой приходилось туго.

Однако, вскорѣ послѣ того, какъ она съѣздила на минеральныя воды, а потомъ побывала въ Петербургѣ, сдала экзаменъ и пріобрѣла права, съ легкой руки врачей, ставшихъ все больше и больше примѣнять этотъ физическій методъ леченія, практика ея расширилась въ этомъ городѣ и областныя дамы вошли окончательно во вкусъ.

Теперь у Натаровой было столько практики, что она должна была отказывать многимъ кліенткамъ и вести всѣмъ имъ очередь.

Пока еще она была единственной массажисткой въ городѣ. Въ мѣстномъ госпиталѣ были двѣ сестры милосердія, занимавшіяся массажемъ, но онѣ были заняты своими больными и на частную практику не ходили. Да ихъ неохотно и звали-бы. Гораздо интереснѣе было звать „интеллигентную“ массажистку, хорошо одѣтую, надушенную и обладающую хорошими манерами. Въ этомъ было нѣчто пикантное и интересное съ точки зрѣнія областныхъ дамъ.

Бѣдствовавшая въ первое время Натарова теперь была вполнѣ обезпеченной дѣвушкой, зарабатывая до трехсотъ рублей въ мѣсяцъ, что, по мѣстнымъ условіямъ жизни, представляло прямо богатство.

И сообразно съ заработкомъ увеличивалась и улучшалась обстановка ея квартирки, состоявшей изъ четырехъ небольшихъ уютныхъ комнатъ.

Теперь это была вполнѣ обставленная квартира со всѣмъ, возможнымъ въ провинціи, комфортомъ.

Иванъ Петровичъ вошелъ въ комнату.

Натарова поднялась ему навстрѣчу и протянула руку.

Рука ея была большая, холеная, съ хорошо развитой мускулатурой. Иванъ Петровичъ поцѣловалъ ея руку.

— Здравствуй!—сказала она ему и ласково оглядѣла его фигуру.

— Здравствуй, Юля! Ты свободна? Я зашелъ посидѣть и поболтать... о важныхъ вещахъ.

— Садись. Сейчасъ Катя подастъ намъ чай. У тебя что-то на душѣ...

— У меня? Почему ты это угадала?

— По твоему торжественному и слегка мрачному виду.

Иванъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ и сѣлъ на низкій мягкій диванчикъ.

Натарова тоже сѣла въ кресло и внимательно поглядѣла на Кедринскаго. Свѣтъ лампы подъ большимъ розовымъ шелковымъ абажуромъ освѣщалъ ея задумчивое лицо и бросалъ на него мягкій, нѣжный отблескъ. Скрытый отъ нея угломъ абажура Иванъ Петровичъ любовался этимъ дорогимъ и милымъ ему лицомъ, особенно выигрывавшимъ въ этомъ освѣщеніи.

У нея былъ очень высокій лобъ, вокругъ котораго ореоломъ лежали темно-каштановые волосы; въ свѣтло-коричневыхъ глазахъ ея свѣтилось выраженіе какой-то твердости и увѣренности въ себѣ. Если-бы не мягкая, привѣтливая улыбка полноватыхъ губъ, какъ-то смягчавшая ея лицо, то этотъ взглядъ могъ-бы показаться холодноватымъ и строгимъ.

Но Иванъ Петровичъ любилъ Натарову именно такою, вечеромъ, послѣ утомительнаго, трудового дня, послѣ работы. Тогда отъ всей фигуры ея вѣяло какимъ-то спокойствіемъ, сознаніемъ своей силы, чѣмъ-то мощнымъ, здоровымъ и умиротворяющимъ. Чувствовалось, что эта женщина завоевала жизнь, покорила ее себѣ и уже больше не боится ея. И эта строгость взгляда какъ-будто имѣла отношеніе къ этой жизненной борьбѣ, приведшей, наконецъ, послѣ долгихъ испытаній, къ побѣдѣ.

Они давно уже любили другъ друга и давно говорили другъ другу „ты“.

— Ты обѣдалъ въ клубѣ?—спросила Ивана Петровича Натарова.

— Нѣтъ, Юля.

— А гдѣ?

— Нигдѣ.

„НЕ УЙДЕШЬ!“ Оригин. рисун. **Р. В. Запольскаго-Довнаръ.**

— Такъ что-же ты не скажешь? Я могу тебя накормить,—проговорила она съ гордостью.

Она очень любила играть роль дѣйствительно хозяйки. Это была какая-то наивно-дѣтская гордость хвастаться своимъ хозяйствомъ, какая бываетъ у всѣхъ людей, вышедшихъ на дорогу жизни своими трудами и создавшими себѣ обезпеченное положеніе силою своей воли.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ,—я ѣсть не хочу. Мнѣ не до ѣды. Чая дай.

Какъ разъ въ это время горничная Катя внесла на подносѣ чай. Здѣсь были и сыръ, и масло, и булки, и сливки, и варенье.

И опять Натарова самодовольно, съ чувствомъ буржуазнаго удовлетворенія, оглядѣла подносъ.

Катя вышла.

— Что такое?—тревожно спросила Натарова.—Отчего тебѣ не до ѣды? Что случилось?

— Не пугайся, пожалуйста, Юля. Ничего особеннаго.

Натарова презрительно сощурила глаза.

— Пугаться? Ты знаешь, я этого не умѣю. Эти предисловія годятся для свѣтскихъ барышенъ, а я—работница. Со мной нужно говорить просто и прямо. Но, что что-то случилось, это я вижу.

— Я и буду съ тобой говорить прямо и просто, Юля! Ты знаешь, какъ я люблю тебя! Это чувство давно уже владѣетъ мною. Ты—для меня идеалъ женщины... всегда бодрая, всегда спокойная... Ты знаешь, я давно уже рѣшилъ связать обѣ наши жизни...

Она слушала его внимательно, слегка наморщивъ красивыя шелковистыя брови.

— Это—все-таки предисловіе, а не дѣло,—прервала она его.—Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что намъ пора сдѣлаться близкими людьми.

Она улыбнулась.

— Это—опять все то-же. Ты хочешь жениться на мнѣ?

Ему не понравилась эта улыбка.

— А ты развѣ противъ этого?

— Нисколько,—твердо отвѣтила она.—Но мы уже говорили съ тобой не разъ объ этомъ. Ты знаешь, что это не зависитъ всецѣло отъ тебя.

— Ошибаешься,—сказалъ онъ, весело улыбнувшись,—я думаю, отъ самого человѣка зависитъ, чтобы онъ зависѣлъ отъ самого себя. Я заразился твоимъ примѣромъ...

На лицѣ ея показалась тревога.

— Въ чемъ дѣло? Говори яснѣе.

— Изволь. Сегодня я просилъ разрѣшенія у командира полка на вступленіе въ бракъ съ тобой...

Онъ вдругъ замолчалъ, замялся и кровь бросилась ему въ голову.

Натарова поняла это смущеніе; чувство оскорбленнаго достоинства овладѣло ею и ея всегда спокойное, ровно бьющееся сердце заколотилось.

— Не говори,—сказала она глухимъ голосомъ,—я знаю дальнѣйшее. Командиръ тебѣ отказалъ.

Иванъ Петровичъ поникъ головой.

— Я это предвидѣла и знала раньше. Вотъ почему я не хотѣла, чтобы ты дѣлалъ этотъ шагъ.

Онъ растерянно развелъ руками.

— Но какъ-же иначе?—проговорилъ онъ.

Натарова сжала виски обѣими руками. Ей было не по себѣ. Горькое чувство обиды вошло въ ея сознаніе.

— Тебѣ не нужно было дѣлать это,—твердо сказала она.—Не нужно. Зачѣмъ, если ты любишь меня, давать поводъ, хотя и заочно, оскорблять меня? Я знаю, что тебѣ отвѣтилъ командиръ: что я—незаконная дочь, что у меня профессія—массажъ и все въ этомъ родѣ, а потому этотъ бракъ не благопристоенъ для офицера.

Она не ждала подтвержденія своихъ словъ, потому что была увѣрена въ нихъ такъ, какъ-бы сама присутствовала при разговорѣ. Да и краснорѣчивое молчаніе Кедринскаго подтверждало эти слова.

— Ахъ, не все-ли равно, что говорилъ командиръ!—сказалъ, наконецъ, Иванъ Петровичъ, чувствуя, что тягость его молчанія становится невыносимой.—Все-таки суть остается сутью. Я могу жениться на тебѣ... если, конечно, ты не откажешь мнѣ въ чести выдти за меня замужъ,—шутливо прибавилъ онъ, но эта шутка показалась обоимъ неудачной и не вызвала улыбки на ея лицо.

— Почему?—удивленно спросила она.

— Я сегодня-же подамъ въ отставку.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Муза. (Къ рис. на стр. 1121.) Вдохновительница поэтовъ, она незримо царитъ надъ душой человѣка, у котораго горитъ въ груди огонекъ поэзіи; у него есть въ сердцѣ искра Божія, чтобы въ сладкихъ звукахъ описать любовь и страданіе, гнѣвъ и милость, смѣхъ и слезы, безграничный просторъ и тѣсную темницу. Муза помогаетъ такому человѣку и на своей цѣвницѣ сыграетъ волнующіе поэта звуки. Чуткою душой прислушивается поэтъ къ рокоту струнъ музы, и вдохновенныя строфы звучныхъ стиховъ льются изъ-подъ пера его.

Въ городскомъ саду. (Къ рис. на стр. 1129.) Денекъ выдался ясный. Солнце весело свѣтитъ съ высоты небесъ, золотя своими лучами покрытую пылью зелень городского сада. Всѣ тѣ, что остались въ городѣ и не уѣзжали на дачу, обрадовались ясному дню и съ удовольствіемъ отправились прогуляться въ городской садъ. Правда, неказистъ онъ, но все-таки высокія деревья даютъ тѣнь и прохладу. Масса народа запрудила садовыя дорожки, разсѣлась на скамьяхъ и жадно вдыхаетъ запахъ деревьевъ, которыя тихо качаютъ свои вѣтви, подставляя ихъ подъ золотистые лучи румянаго солнца.

По-міру. (Къ рис. на стр. 1135.) Изо дня въ день ходятъ старики по-міру, чтобы не умереть съ голода. Смиренно протягиваютъ они руки за подаяніемъ или боязливо стучатся въ оконную раму, прося «ради Христа» на пропитаніе. И рука дающаго не оскудѣваетъ. Старики всегда получаютъ что-нибудь и, низко поклонившись за милостыню, плетутся дальше, чтобы у слѣдующаго дома съ низкимъ поклономъ обратиться съ просьбой о насущномъ хлѣбѣ. И такъ изо дня въ день съ самаго ранняго утра до поздней ночи ходятъ старики по-міру.

Филаретъ Никитичъ Романовъ принимаетъ пословъ съ грамотой о возвращеніи его изъ польскаго плѣна. (Къ рис. на стр. 1137.) Родоначальникъ нынѣ царствующаго дома, Филаретъ Никитичъ Романовъ, въ «лихолѣтье» былъ взятъ въ плѣнъ поляками. Долго томился старецъ въ плѣну и только съ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича между поляками и русскими начались переговоры о возвращеніи Филарета Никитича изъ плѣна. Переговоры увѣнчались успѣхомъ и старецъ получилъ изъ рукъ русскихъ бояръ-пословъ грамоту, въ которой говорилось, что онъ можетъ вернуться на святую Русь.

«Не уйдешь!» (Къ рис. на стр. 1145.) По степи мчится къ своей части японскій офицеръ. Замѣтили его казаки, пустили въ карьеръ своихъ степныхъ скакуновъ и мчатся за японцемъ. Напрасно тотъ шпоритъ коня, молодцы-казаки, что называется, насѣдаютъ на врага и приближаются къ нему все ближе и ближе. Убѣгающій уже слышитъ храпъ казачьихъ лошадей, глаза его безумно смотрятъ въ разстилающуюся даль, но—увы!—нѣтъ ни куста, ни пригорка, чтобы скрыться. «Не уйдешь!»—кричатъ казаки вслѣдъ убѣгающему японцу.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари

СОДЕРЖАНІЕ № 36-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“:** **Муза.** Стих. Ал. Эльскаго.—**Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Оконч.)—**Могила съ невѣдомыми цвѣтами.** Разсказъ П. Н. Герасимова.—**Вечеръ гасъ.** Стих. Е. И. Богославскаго.—**Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Муза. Съ карт. Г. Унгера.—Въ городскомъ саду. Ориг. рис. Г. Бролинга.—По міру. Съ картины И. И. Ланского. — Филаретъ Никитичъ Романовъ принимаетъ посолонъ съ грамотой о возвращеніи его изъ польскаго плѣна. Ориг. рис. В. Волкова.—„Не уйдешь!“. Ориг. рис. Р. В. Залольскаго-Довнаръ.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Первый чинъ. Разсказъ Апулея.—Нарушенное счастье. (2 рис.)—Новѣйшая охота. (1 рис.)—Толстая теща. (1 рис.)—Нервы. Этюдъ Н. Н. Карпова. Что можно сдѣлать изъ мухъ. (4 рис.)—Мозаика.—Магическій крестъ № 18.—Географическая задача № 28.—Магическій квадратъ № 14.—Створчатая задача № 30.—Перестановка буквъ № 39.—Анаграмма № 7.—Перестановка слоговъ № 8. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 34.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Миръ. Стих. Ив. Юрьевскаго. (Съ 1 рис.)—Встрѣча С. Ю. Витте въ Нью-Іоркѣ. (Съ 1 рис.)—Въ дни мира. (Съ 1 рис.)—Врачи выборгскаго полка на позиціяхъ. (Съ 1 групп.) — Эвакуація русскихъ раненыхъ японцами. (Съ 1 рис.)—Госпиталь графини В. Г. Шуваловой въ Мукденѣ. (Съ 1 рис.)—Японская расправа. (Съ 1 рис.)—Юноша-король. (Съ 1 рис.)—Папа Пій X послѣ двухъ лѣтъ папства. (Съ 1 рис.)—Провозглашеніе независимости Норвегіи. (Съ 1 рис.) — Джемсъ Стоксъ. (Съ портр.) — Гереро въ германскомъ лагерѣ. (Съ 1 рис.) — Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I) **Моды, № 9.** II) Листъ съ выкроечными рисунками, № 9. III) Листъ съ рисунками для любительскихъ работъ, № 9. IV) Узоръ въ краскахъ, № 9. V) „Собраніе“ романовъ „Родины“ 1905 г., № 18. Романы русскихъ писателей, кн. 9-я, содержащая въ себѣ:

1) **Привычка.** Разсказъ **В. Муйжеля.** 2) **Отливъ.** Разсказъ **Т. Власовой.** 3) **Дуэль.** Разсказъ **Н. Бѣлавина.** 4) **Мощь женскаго сердца.** Романъ **Е. О. Дубровиной.** (Стр. 1—64.)

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

скрипки. ✳ гитары. ✳ мандолины. ✳ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА

ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ СЫНОВЬЯМИ

С.-Петербургъ, Садовая, № 88.

Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 213

цитры. ✳ корнеты ✳ кларнеты. ✳ флейты ✳ гармоніи

СКРИПКИ

Для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 20 р.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и дороже до 1.000 руб.
Народныя скрипки въ 2, 3 и 4 руб.

СМЫЧКИ

Для учениковъ 1, 1½ и 2 руб.
Для артистовъ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Народные въ 50 к.

ГИТАРЫ

съ механизмомъ для струнъ 5, 6, 7 и 10 руб., **лучшія** (любительскія, въ большомъ спросѣ) 15 и 20 руб., **очень хорошаго качества** 25, 30, 40, 50, 75 руб. и дороже.

МАНДОЛИНЫ

итальянской работы очень хорошаго тона въ 22, 30, 50, 75, 100, 125 руб.; болѣе дешевые сорта нѣмецкой работы въ 4, 6 руб., итальянской—въ 8, 12 и 15 руб.

БАЛАЛАЙКИ

Для любителей и оркестровъ съ механическими колками въ 5, 6, 7, 10, 12, 15, 20, 35 и дороже.
Народныя 1¾, 2, 3 и 4 руб.
ДОМРЫ 8, 10, 15, 20, 30 руб. и дороже.

418

КОРНЕТЫ

Для учениковъ въ 12 и 15 руб.
Для любителей и оркестра въ 18, 22, 25 и 30 руб
Для солистовъ (соботв. фабр.) въ 40, 50, 60, 75 руб. и дороже.
Другіе оркестровые инструменты въ большомъ выборѣ.

ФЛЕЙТЫ

Для учениковъ въ 8, 12, 18 руб.
Для любителей и оркестровъ въ 25 35, 40 руб.
Для солистовъ (соботв. фабрики) въ 50, 60, 75 р. **Модель Цѣ мермана,** находящаяся въ употребленіи у выдающихся артистовъ въ Россіи и за границей—85, 120 и 250 руб.

По полученіи задатка, приблизит. ¼ стоимости заказа, высылаю требуемое съ налож. платежомъ на остальную сумму Прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34.—**Москва,** Кузнецкій мостъ.—**Рига,** Купеческая, 9.

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ

не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.) —30 руб. и ½ ящ.—16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры **„Кумысъ и его приготовленіе“.** (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка, Самарской губер., Вѣрѣ Постниковой. 422

Американская новость!!

Музыкальныя говорящія и пѣвчія открытыя письма

„ПИФЪ-ПАФЪ“

съ разными видами, подходящія къ каждому граммофону. 1) **Музыкальныя** открытыя письма передаютъ громко, долго и ясно различную музыку какъ оркестровую, такъ и отдѣльныхъ инструментовъ, а также хоровое и сольное пѣніе, разговоры, куплеты, смѣхъ и проч. 2) Открытыя письма замѣняютъ вполнѣ употребляемыя до сего времени пластинки и могутъ служить одновременно открытымъ письмомъ для веденія различныхъ переписокъ. 3) Откр. письма художественно-артистически выполнены, съ разными иллюстраціями красавицъ. 4) Откр. письма могутъ находиться въ употреб. **нѣсколько сотъ разъ** на какомъ-бы то ни было граммофонѣ, начиная отъ самаго дорогого до дешеваго, **не теряя своей громкой игры.** 5) Открытыя письма высылаются **не менѣе 20-ти штукъ, за 5 руб.** съ перес. Заказы исполняются **наложеннымъ платежомъ. Адресовать: Представители на всю Россію, Т-во „Комета“, Варшава, Грибная.** P. S. Граммофоны **„Тонармъ“** I-го сорта съ ручательствомъ за прочность механизма на 10 лѣтъ. Цѣна вмѣсто 100 руб. 33 руб. съ пер. Граммофоны II-го сорта цѣна 10, 12 и 15 руб. Безплатно прилагается 5 пластинокъ. Граммофоны высылаются по полученіи 5 руб. задатка. 423

СТЕРЕОСКОПЪ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Пріобрѣтайте по весьма доступной цѣнѣ новѣйшій металл. стереоскопъ съ 60-ю интереснными видами

русско-японской войны

показывающій, буквально какъ въ натурѣ, всѣ событія Дальняго Востока. **Цѣна,** только на короткое время, **2 р. 50 к.,** пересылка — **25 к.** (II и III поясн. перес.—**50 к.**). Кромѣ того, имѣются виды разнаго содержанія въ 42-хъ серіяхъ, по 25 шт. въ каждой, по цѣнѣ 50 к. серія; высыл. налож. плат. безъ задатка. Требованія адресовать: Складу новостей **Т-ва „КОМЕТА“, Варшава, Гр., 48.** 413

ЭКОНОМІЯ 100%, ВСѢМЪ ПОЛЕЗНО!

За 7 руб. съ пересылкой высылаемъ нижеслѣдующ. 13 цѣнныхъ предметовъ: 1) часы черные ворон. стали откр. мужскіе или дамск. съ золотымъ украшеніемъ, заводъ безъ ключа, 1-го сорта; 2) цѣпь панцырная, гарантированная, а къ дамскимъ—шейная, нов. зол.; 3) брелокъ-бинокль съ видами или компасъ; 4) **патентованный** пишущій аппаратъ безъ чернилъ „Patent Universal“; 5) **ножное** портмоне съ 7-ю отд., механич. замкомъ для штемпеля; 6) каучуковый штемпель для имени, отчества и фамиліи заказчика; 7) **золотое кольцо** 56 пр. или-же портсигаръ кожаный или металлическій, заграничной выдѣлки; 8) спичечница изъ настоящаго бѣлаго металла новой системы; 9) мундштукъ-аппаратъ д-ра Коха для безвреднаго куренія; 10) карманный перочинный ножикъ съ 3-мя лезвеями „Solingen“; 11) складныя ручныя ножницы; 12) складная щеточка съ зеркаломъ и гребнемъ; 13) замшев. кошелекъ для предохраненія час. отъ порчи. Закрытые часы со всѣми приложеніями на 1 р. дороже. Всѣ вышеупомянутые предметы высылаемъ по получ. заказа налож. платежомъ и безъ задатка. Часы тщательно провѣряются и снабжены ручательствомъ на 5 лѣтъ. Адресовать: **Депо часовъ и роскошей Т-во Экономія,** Варшава, Твердая, № 28. Примѣчаніе: заказчикамъ, приславшимъ задатокъ (можно почт. марками) гравируется на часахъ монограмма безплатно. Въ Сибирь присчитывается за пересылку 40 коп. 440

ДАРОМЪ

высылаю мою брошюру-прейсъ-курантъ парижскихъ и американскихъ резиновыхъ издѣлій и разныхъ новостей **Ю. Абрамовичъ, Варшава, Кармелитская, 23—18.** 406

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ мѣханич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы мѣха обиты метал.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р.	13 р.	15 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р.	20 р.	24 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА мѣдныя планки 5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.

СТАЛЬНЫЕ голоса мѣдныя планки 10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

12 клап.	14 клап.
9 руб.	10 руб.

4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
12 руб.	14 руб.	16 руб.

5-ти ПЛАНОЧНЫЯ

14 клап.	16 клап.	18 клап.
15 руб.	17 р. 50 к.	20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

для домашнихъ библіотекъ по особо УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ имѣется въ книгоиздательствѣ А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ „ОДОБРИНЪ“ только Михаила ЛЕБЕДЕВА 188 съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько

дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Иногородн. высылается съ пер., 2 кор. — 1 р. 20 к., 4 кор. — 1 р. 90 к., 6 кор. — 2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52. Мих. Лебедевъ.

Контора редакціи журнала и газеты „РОДИНА“

имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. провинціальныхъ подписчиковъ, уплатившихъ до сихъ поръ только

по **ЧЕТЫРЕ** и **ПЯТЬ** рублей,

поспѣшить взносомъ остальныхъ денегъ въ доплату годовой подписной цѣны за журналъ „Родина“, стоящій **шесть** рублей, во избѣжаніе остановки полученія номеровъ журнала и его приложеній, состоящихъ изъ слѣдующаго:

1) большая ОЛЕОГРАФІЯ

„ЗА ЧЕСТЬ и СЛАВУ РОССІИ“

съ картины Н. Н. Каразина,

2) большая гравюра, напечатанная въ тонахъ.

„НА ВОЙНУ ВЪ 1877 г.“

съ картины К. А. Савицкаго.

Лицамъ, не внесшимъ сполна годовой подписной платы, высылка журнала будетъ прекращена съ № 40-го (т. е., послѣдній высланный имъ номеръ будетъ № 39).

При доплатѣ необходимо прилагать тотъ адресъ, который наклеивается на оболочку журнала, а въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его подробно письменно, проставляя цифры тракта и мѣста (цифры, стоящія на адресѣ справа) и номеръ (стоящій на адресѣ слѣва вверху).

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К°. ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО *Молодости* МОСКВА. 20 коп. кус.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

въ С.-Петербургѣ, учр. въ 1881 г.

Наличные капиталы свыше 56.000.000 р.

Общество заключаетъ страхованія

ЖИЗНИ:

капиталовъ и доходовъ для обезпеченія будущности семьи и старости (застрахованные капиталы къ 1-му января 1905 г.: 170.330.000 руб.);

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ:

коллективныя страхованія рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, страхованія отдѣльныхъ лицъ, страхованія пассажировъ;

ОТЪ ОГНЯ

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода;

ТРАНСПОРТОВЪ

морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ и корпусовъ судовъ;

СТЕКОЛЪ и ЗЕРКАЛЪ

всякаго рода и сорта отъ излома и разбитія.

Капиталы вознагражденія,

уплаченныя Обществомъ со времени его учрежденія:

133.441.000 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи, въ С.-Петербургѣ (Морская, собств. д., № 37), въ Отдѣленіяхъ и Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи. Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ. 370

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

Ружье „ПРИМА“

Новѣйшее двухств. ружье центр. боя, затворъ тройной всемірно извѣстной фабрики оружія въ Герсталь-Льежѣ, стволы стальные, лѣвый чокъ, замки подкладные, кал. 12 и 16. Ружье внѣ конкуренціи, прочное, красивое и съ замѣчательнымъ боемъ—сдѣлано фабрикой на удивленіе охотниковъ, поражающихся его дешевизной и высокими качествами. Цѣна 34 руб.

ВИНТОВКА СИСТ. ВИНЧЕСТЕРА, кал. 22, замѣчательное оружіе для охоты на крупн. птицу и мелкаго звѣря. Бой феноменальный: на 100 шаговъ пули ложатся въ 1 вершковый кругъ. Цѣна всего 12 руб. Патроны съ бездымн. порохомъ 3 р. за 100 шт.; то же, комнатные, за 250 шт. 1 р. 75 к.

Заказы исполн. наложенн. платежомъ оружейный магазинъ **А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО,** МОСКВА. Б. ЛУБЯНКА, № 3.

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.
БАНКА 1 р. 90 к.
УГРИН
ОТЪ ПРЫЩЕЙ И УГРЕЙ
Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой
С. ПЕТЕРБУРГЪ КАРАВАННАЯ 16 кв 9

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ НА ВСЕРОС. ВЫСТ. 1896 Г.
МЫЛО ДИСПОЗЕ П. Н. ВИНОГРАДОВА
ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРКИ ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

Бѣлье получается замѣчат. бѣлымъ и чистымъ. Пятна уничтожаются. Эконом. въ топливѣ. Мыл. Диспозе идетъ въ три раза менѣе простого. Совершен. безвред. для тканей бѣлья. Удостовѣр. № 3780. Опт. у П. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ТРЕБОВАТ. СЪ ЭТИКЕТ. УТВЕР. ПРАВИТЕЛ.

НЕ ВЫБРАСЫВАЙТЕ

того, что можно **ПОЖЕРТВОВАТЬ**

состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны **ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ** Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій **на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей** въ мастерство, которое собираетъ только то, **что другимъ не нужно** и что иногда **мѣшаетъ въ домѣ, квартирѣ, на дворѣ,** какъ, напр.: тряпки, битое стекло, рваную бумагу, лоскутки, опорки, пробки, желѣзо, коробки и пр., и пр., и пр. Желающіе отдать что-либо въ Попечительство сообщаютъ письменно: **Петербургъ, Садовая ул., № 60** (или по телеф. **№ 1360**), откуда посылается артельщикъ.

Все принимается съ глубокою благодарностью. 105

Дозволено цензурою. Спб., 12-го августа 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer futracker.org